

Глава 59. Бей в барабан, передавай цветы (2).

— Есть ли у вас что-нибудь, что вы хотите сказать мне? — Лысый мужчина заговорил, и никто не ответил.

Все игроки сохраняли бесстрастное выражение. Испытывая ощущение, будто они держали в руках гайд по инстансу, игроки чувствовали, словно открыли вид Бога.

Лысый мужчина произнёс это предложение, что доказывало, что Цзинь Чэн не лгал им.

На этот момент куст красных гортензий был в руках игрока. Большой мужчина взглянул на игрока, надел на себя повязку на глаза, затем поднял барабанные палочки.

— Бум! Бум! Бум!

Гортензии начали передаваться по кругу. Каждый NPC действовал как самый восторженный игрок и полностью отдавался игре, не в силах дожидаться передачи куста гортензий в момент, когда они попадали в их руки, одновременно испытывая волнение и нервозность.

Среди барабанной дроби скорость передачи только возрастала и никогда не замедлялась, и многие NPC кричали от возбуждения. Их крики эхом отдавались в пустой фабрике вместе с барабанным боем, создавая ещё более напряжённую атмосферу.

Вскоре красные гортензии были переданы в руки Цзинь Чэна.

Полоску бумаги можно было вынуть только после остановки барабанного боя, но Цзинь Чэн нуждался проверить её внимательно собственными глазами, потому что увидеть — значит поверить. Согласно правилам игры, гортензии не должны оставаться в чьих-либо руках более пяти секунд и должны передаваться следующему человеку без перескакивания через других игроков, поэтому, хотя он хотел передать их прямо Тан Цю, ему пришлось отпустить эту мысль.

Тан Цю смотрел на барабанщика, тщательно наблюдая за каждым его движением и внимательно прислушиваясь к каждому его удару. Потому что в гайде упоминалось, что барабанный бой должен был нести в себе определённый паттерн.

Во время своей игры он также использовал пару барабанных молотков, чтобы ритмично ударять по левому и правому краям барабана. Это действие происходило в общей сложности четыре раза. Неважно, как быстро или медленно мужчина бил в барабан или какой была мелодия, как только молотки ударяли по барабану в четвёртый раз, барабанный бой прекращался.

Это была подсказка для игроков.

Красные гортензии не должны оставаться в руках любого игрока более пяти секунд, поэтому эти пять секунд были ключевыми.

Тан Цю подождал, пока молотки ударят по барабану в третий раз, и сказал громко.

— Все игроки, начиная с меня, слева направо, я Номер 1, Красная Рубашка — Номер 2, поняли?

Хотя игроки не имели понятия, каков его замысел, но под присутствием большого босса Цзинь Чэна и с фактом, что у них самих была мысль обнять его бедро, все очень покорно кивнули.

Тан Цю продолжил:

— Теперь слушайте мою команду.

В это время красные гортензии были переданы в руки Тан Цю. Он держал цветы три или четыре секунды, затем только в точке, где отметка в пять секунд была достигнута, он передал куст следующему человеку.

Номер 2 был отделён от него пятью NPC.

Тан Цю внимательно слушал неумолимый барабанный бой, его глаза, не моргая, следили за кустом красных гортензий. В момент, когда он оказался в руках Номера 2, он сказал.

— Номер 2, держи его пять секунд перед передачей.

Номер 2 поспешно кивнул, тихо держа красные гортензии и отсчитывая пять секунд. Когда он собирался передать, гортензии внезапно оказались в руках следующего человека — система действительно была сурова и не щадила никого даже на секунду.

— Номер 3, продолжай.

— Номер 4, продолжай.

Под командами Тан Цю игроки неизбежно начали чувствовать нервозность, многие из них украдкой бросали взгляд на Цзинь Чэна, но тот просто непринуждённо наблюдал за ними. В этот момент барабанный бой внезапно ускорился.

— Номер 5, быстро передавай! — Тан Цю немедленно изменил свою инструкцию.

Испуганный, Номер 5 отшвырнул куст в сторону, как только коснулся его, словно это была горячая картофелина.

Острые глаза Тан Цю быстро следили за передачей гортензий. Между Номером 5 и Номером 6 было пять NPC. Учитывая скорость каждого NPC примерно в две секунды в среднем, и то, что Номер 6 и Номер 7 сидели рядом друг с другом, он изначально хотел контролировать скорость передачи гортензий так, чтобы Номер 6 или Номер 7 могли получить их. У обоих было в общей сложности десять секунд, что должно было быть достаточно.

Но барабанный бой внезапно ускорился, поэтому ему пришлось действовать быстро. В этот момент последовало биение молотков.

В это время красные гортензии были на два NPC дальше от Номера 6. Тан Цю поднял глаза, чтобы посмотреть на Цзинь Чэна. Цзинь Чэн понял, и серебристый свет сверкнул в его руках, когда он туго натянул свой механический лук.

Свист.

Как раз когда барабанный бой собирался остановиться, стрела Цзинь Чэна попала в NPC рядом с Номером 6, и бурная сила сбила его со стула. Красные гортензии, которые должны были быть переданы ему, просто упали на пол.

— Подними. — твёрдо сказал Тан Цю.

Придя в себя, Номер 6 почти подпрыгнул со стула, словно поражённый электрическим током,

прыгнул в сторону и поднял гортензии. Он крепко прижал их к груди, затем посмотрел на Цзинь Чэна и Тан Цю с благоговением — как он стал первым, кто получил цветы?

В это время лысый мужчина развязал свою красную повязку на глаза и обернулся.

— Вы выбираете выступить с представлением или ответить на вопрос?

Цзинь Чэн убрал свой лук и стрелы.

— Ответить на вопрос.

Номер 6 был так взволнован, что просто повторил то же самое.

— Ответить на вопрос.

Лысый мужчина взглянул на Цзинь Чэна, но не сказал, что тот нарушил правила. Прочистив горло, он начал зачитывать загадку:

— Древний храм в облаках. Никто не знает, сколько монахов толпится.

Триста шестьдесят четыре чаши, ни одной лишней и ни одной недостающей.

Три монаха делят чашу риса, четыре монаха делят чашу супа.

Скажи, сколько монахов в храме ты насчитаешь?

Номер 6 был полностью ошеломлён, Что это такое? Разве это не было тимбилдингом мёртвой компании? Это литературный или математический вопрос?

Другие игроки также переглянулись.

Цзинь Чэн снова сказал:

— Шестьсот двадцать четыре.

Номер 6 просто повторил, как диктофон:

— Ну, шестьсот двадцать четыре.

Лысый мужчина сказал:

— Ответ верный.

NPC громко ликовали среди оглушительных аплодисментов.

Игроки посмотрели на Цзинь Чэна в полном шоке. Большой босс действительно оправдал свою репутацию. В то время как они могли только мысленно вычислять сложение, вычитание, умножение или деление в пределах ста, босс мог получить ответ так быстро.

Цзинь Чэн дал им загадочную улыбку.

Тан Цю было лень рассказывать всем, что это только потому, что у него был ответ — да, он смошенничал.

Но, к сожалению, в этот раз внутри гортензий не было полоски бумаги, поэтому они могли

только продолжать следующий раунд.

В то же время в тюрьме Города Вечной Ночи в зоне G.

На тринадцатый день заключения Лэн Мяо Чэнь Лю на противоположной стороне был всё так же шумен, как муха. Люди в тюрьме были освобождены один за другим, но Чэнь Лю — нет. Учитывая, что он был правой рукой Чун Яньчжана, это ясно показывало, что он убил много людей.

Сегодня Цзян Хэ должен был быть освобождён.

Чэнь Лю начал свою надоедливую болтовню снова. Поскольку Лэн Мяо был здесь, он не смел кричать громко, но он часто язвительно усмеялся.

— Позволь сказать тебе, ты такой умный, ты наш стратег, но ты всё равно убиваешь людей ножами. Цзян Хэ, много людей должно было погибнуть от твоих рук, ведь разве не все говорят, что ты могущественный? Но ты выходишь раньше меня, это смешно.

Никто не отвечал ему.

Лэн Мяо скоро использовал магию, чтобы заблокировать все голоса, и прислонился к стене, закрыв глаза и игнорируя всех.

Цзян Хэ тихо ждал, когда дверь камеры откроется. Для тюрьмы Города Вечной Ночи, когда ты входил, ты телепортировался, но когда ты выходил, ты должен был идти на собственных двух ногах. Поэтому, если у тебя были враги, они могли легко устроить засаду прямо за пределами зоны G и немедленно отправить тебя обратно в тюрьму.

Когда время пришло, дверь автоматически открылась.

Цзян Хэ встал, отряхнул пыль с одежды и вышел из камеры широким шагом. Услышав звук из соседней камеры, ненависть Чэнь Лю, сдерживаемая в бутылке, внезапно превратилась в словесную угрозу.

— Цзян Хэ, когда ты выйдешь отсюда сегодня, если ты посмеешь говорить ерунду перед боссом, я не оставлю тебя в живых, когда выйду! Помни, даже если я не могу выгнать тебя, никто не позволит тебе подняться!

Когда его слова отзвучали, Цзян Хэ как раз проходил мимо его камеры, и он обернулся, чтобы посмотреть на Чэнь Лю сквозь железные прутья.

Это был чрезвычайно холодный взгляд безразличия.

Чэнь Лю необъяснимо почувствовал холод от копчика до макушки. Когда его сердце неконтролируемо затрепетало, он немедленно почувствовал стыд за такую реакцию, затем смело уставился в ответ на Цзян Хэ.

— Что это за взгляд? Цзян Хэ, о чём ты думаешь? Я предупреждаю тебя, ты —

Цзян Хэ прервал его:

— Я думаю, каким же я должен быть дураком, чтобы хотеть оставаться в «Воле Небес» и работать с таким идиотом, как ты? Какую бы милость я ни был должен Чун Яньчжану, я полностью выплатил её за прошедший год.

Чэнь Лю был ошеломлён.

Расплывчатые слова Цзян Хэ просто означали, что он покинет банду, но Чэнь Лю не почувствовал ни малейшей радости от того, что он уходит по собственной воле. Это было очень странно. После того как он простоял в оцепенении несколько секунд, он отреагировал.

— О чём ты говоришь?!

Цзян Хэ сказал.

— Я говорю, что ты глуп.

Чэнь Лю чуть не взорвался.

— Цзян Хэ! Не думай, что можешь угрожать мне только потому, что уходишь. Ты думаешь, босс будет умолять тебя вернуться, не так ли? Не забывай, что ты стоишь здесь сегодня только потому, что босс спас тебя, когда на тебя охотились другие, и вся «Воля Небес» стала твоим убежищем!

— Но ты забываешь, разве «Воля Небес» имела тот статус тогда? Если бы не я, вы были бы ничем иным, как бандитами третьего сорта.

В этот самый момент Цзян Хэ показал редко видимое выражение высокомерия.

Он атаковал Чэнь Лю словами и презирал его глазами, и в момент, когда Чэнь Лю стал так зол, что его лицо полностью покраснело, он снова прервал слова Чэнь Лю.

— О, я знаю, ты не понимаешь, потому что ты настолько глуп, что не понимаешь человеческих слов.

— Ты!!! — Чэнь Лю схватился за грудь, чувствуя, будто его сердце почти перестало качать кровь.

— Вернись и скажи Чун Яньчжану, что позволить тебе жить — моя последняя плата ему.

Цзян Хэ проигнорировал его и ушёл.

Чэнь Лю прыгнул к двери, схватился за прутья, выкрикивал имя Цзян Хэ и кричал ругательства, но все усилия были напрасны и не могли заставить Цзинь Чэна обернуться. Среди своих собственных криков Чэнь Лю вернулся к своему рациональному уму и внезапно почувствовал след страха.

Лэн Мяо на противоположной стороне открыл глаза в этот момент.

Он слегка взглянул на спину Цзян Хэ и понял его план. На самом деле он сам был очень любопытен насчёт следующего плана «Воли Небес», поэтому он снял свою магическую защиту только что, чтобы послушать, что эти двое говорят.

Цзян Хэ оторвётся от «Воли Небес», как и ожидалось. Но Лэн Мяо был удивлён, что Цзян Хэ всё ещё думал о Чун Яньчжане в последний момент. Он добровольно ушёл, спровоцировал Чэнь Лю своими словами и даже намеренно принял такое выражение лица, чтобы Чун Яньчжан мог столкнуться с его уходом без всякой вины.

Тогда Чун Яньчжан не попадёт в затруднительное положение, и он даже сможет свалить уход

Цзян Хэ на голову Чэнь Лю, затем использовать эту возможность, чтобы подавить других ветеранов в банде.

Этот расчёт был действительно очень умен.

Но Лэн Мяо всё ещё не любил то, как развивалась «Воля Небес». Поскольку Чун Яньчжан не имел смелости порвать с Чэнь Лю, ему будет трудно достичь великих дел. Более того, Чэнь Лю и Цзян Хэ содержались в тюрьме вместе, но Чун Яньчжан не появился, чтобы навестить их в течение тринадцати дней, потому что он знал, что они враждуют друг с другом.

Это, вероятно, был один фактор, побудивший Цзян Хэ отказаться от «Воли Небес».

Без Цзян Хэ не было ничего достойного внимания, чтобы говорить о «Воли Небес» больше. Но затем Лэн Мяо внезапно вспомнил о сообщении, просочившемся от игрока, который был отправлен в тюрьму два дня назад, в котором говорилось о [Двенадцати Движениях Симфонии], найденном внутри инстанса в зоне Е.

Если бы у Чун Яньчжана всё ещё была смелость поставить всё на кон и отправиться в зону Е, чтобы попытаться получить движение, у «Воли Небес» мог бы быть шанс переломить ситуацию.

Но сделает ли он это?

Лэн Мяо погрузился в размышления.

На другой стороне Цзян Хэ беспрепятственно вышел из камеры. Город Вечной Ночи был круглым городом, где каждая зона была секторообразной, и зона G не была исключением. Две стороны сектора и изогнутая часть были рядами камер, наложенных друг на друга, подобно огромной стене, отделяющей зону G от других зон, в то время как центральная часть был пустым газоном.

Этот большой газон был главной ареной, где надзиратель играл в игры с заключёнными. Иногда он также устраивал игры внутри камер, но это было только «иногда».

В это время газон был зелёным, где не было видно ни единой тени.

Цзян Хэ шёл неспешно, и через пять минут он осознал, что ошибался — не то, чтобы здесь никого не было, скорее, кто-то упал на траву.

Она была чрезвычайно худа, выглядев так, будто вся её кожа почти прилипла к костям. Её простые одежды были покрыты пятнами крови и плотно прилипали к телу, так что вся её фигура была почти полностью скрыта за травой, даже несмотря на то, что трава не была очень высокой.

Цзян Хэ узнал её. Она была той маленькой девочкой в противоположной камере.

Днём ранее надзиратель вывел её на игру, и она больше не возвращалась. Цзян Хэ думал, что она умерла, и не ожидал снова встретить её здесь.

Он не мог не присесть и проверить её дыхание.

Её дыхание было настолько слабым, что Цзян Хэ не мог сказать, была ли она мёртва или жива.

Как раз когда он колебался, уйти или совершить доброе дело, маленькая девочка внезапно

подняла свои костлявые руки и крепко схватила его за лодыжки.

Цзян Хэ мгновенно встревожился и вытащил свой кинжал из ножен.

Маленькая девочка подняла голову и обнаружила острие кинжала, направленное на её глаза, его холодный свет отражался в её пустых глазах, заставляя её сразу прийти в себя.

— Выведи меня.

Её голос был хриплым, словно он поцарапался о грубый песок, не тот голос, который должна была иметь девочка такого возраста. Её глаза были ужасающе наполнены обидой и враждебностью, но было довольно забавно, что её голова была лысой.

На каждое слово, которое выходило, ей приходилось замедляться немного, словно этот акт речи истощал все её силы. Но её руки всё ещё твёрдо сжимали лодыжку Цзян Хэ, словно хватаясь за последний шанс.

— Выведи меня. — Повторила она.

— Почему ты хочешь выбраться? — Спросил Цзян Хэ.

— Почему?

Маленькая девочка внезапно рассмеялась, что спровоцировало её раны и заставило кашлять кровью, но она всё ещё упрямо говорила:

— Я родилась слабой, поэтому у меня нет права жить, верно? Каждый может растоптать меня. Даже если я мертва, никто не хочет отпускать меня! Почему?!

Вместе с её истеричным вопросом из её глаз пошли слезы.

Она взглянула на Цзян Хэ в последний раз, затем резко отпустила его и начала ползти к воротам сама.

Цзян Хэ посмотрел на неё, затем на путь позади неё. Пятна крови, скрытые в траве, могли быть свидетельством того, что она действительно хотела выйти.

Поскольку она появилась здесь и могла выйти наружу, это означало, что она отбыла свой срок.

Цзян Хэ посмотрел вниз на капли слёз на своей обуви.

Он никогда не плакал. Даже если ему пришлось покинуть «Волю Небес» и снова становиться одинокой собакой, он не плакал. Но по каким-то причинам, которые он не мог вполне понять, слёзы девочки тронули его.

Поэтому он наклонился, поднял маленькую девочку, которая недалеко проползла, и быстро вышел.

Маленькая девочка боролась в его объятиях, словно не желая больше принимать его жалость и милосердие, но у неё действительно не было сил, и вскоре она перестала двигаться.

Пока он шёл, Цзян Хэ внезапно почувствовал, что кто-то наблюдает за ним сзади. Он немедленно повернул голову, и его взгляд скользнул по самой высокой части тюрьмы, башне на западном углу. Но там никого не было.

Во всей зоне G мог быть только один человек, кто мог быть там — Надзиратель Сяо Тун.

Был ли это он?

Цзян Хэ нахмурился в подозрении, но маленькая девочка действительно могла умереть, если бы ей скоро не оказали помощь, поэтому ему пришлось немедленно увести её. В момент, когда он переступил ворота, Цзян Хэ внезапно вспомнил, что не знает её имени, поэтому спросил.

— Как тебя зовут?

Спустя долгое время маленькая девочка ответила:

— Чжэн Иньин.

С момента, когда они стали соседями в тюрьме, это на самом деле был первый раз, когда они говорили друг с другом.

<http://bllate.org/book/13214/1272289>